

DISCUSSION

ЕЩЕ РАЗ ОБ ИЗДАНИИ ФЕВРАЛЬСКОЙ МИНЕИ (ПО ПОВОДУ ВОЗРАЖЕНИЙ ГАНСА РОТЕ)

ONCE AGAIN ABOUT THE EDITION OF THE FEBRUARY MENAION (CONCERNING HANS ROTHE'S OBJECTIONS)

В.Б.Крысько

Москва, Россия

Summary: The analysis of Hans Rothe's 25 objections – as opposed to hundreds of critical remarks which have been formulated in our article «On the edition of the February Menaion» – leads to the conclusion that in three or four cases his criticism is well-founded: the venerable German Slavist, who is not very competent in Russian, Church Slavonic and Greek, as well as in hagiography and theology, knows his native German language considerably better than any Russian Slavist. The other cases rather confirm the conclusions formulated in the end of our article: «without profound knowledge of the Church Slavonic language and perfect mastery of Russian no satisfactory understanding of early Slavic hymnography is possible», and the continuation of the necessary and important Menaion edition on a high scholarly level is achievable only «with competent and careful editing».

В апреле 2009 г. из печати вышел очередной номер журнала «Russian linguistics» – № 33/1, в котором публикуется наша статья «Об издании февральской минеи». Проведенный в статье подробный критико-аналитический обзор двух томов февральской минеи, изданных в Германии под редакцией Г.Роте [MF I, II], показывает, что наряду с тщательно и корректно подготовленными и откомментированными текстами издание содержит ряд небрежных и откровенно невежественных публикаций; в целом в нашей работе содержится анализ нескольких сотен ошибок и недочетов разного уровня, связанных с воспроизведением славянских рукописей, подведением разночтений, публикацией греческих оригиналов, с переводом и комментариями.

Статья была послана редактору «Russian linguistics» У.Швайеру в мае 2008 г. и тут же без всяких оговорок принята к печати; правда, затем текст был подвергнут строжайшему цензурированию, о котором мы узнали только на стадии корректуры. Почти годовая задержка с публикацией была объяснена нам редакцией чрезвычайно подробно: «Мы должны сдавать все файлы для 1-й тетради, которая появится только в апреле 09, уже 1 ок-

тября 08. Примерно 3–4 неделями позже (иногда это продолжается немножко дольше) авторы и мы получаем корректуру, которая затем должна быть возвращена в издательство в течение 2 рабочих дней. После этого издательству остаются еще 5 месяцев для публикации. Почему же это продолжается так долго? “Шпрингер” обосновывает это внутрииздательской организацией производственных процессов и планированием финансовых средств. Мы находим это действительно досадным. К сожалению, однако, мы не видим в настоящий момент никакой возможности изменить это» (письмо от 29.09.2008, пер. с нем.).

Тем не менее «возможность изменить это» была найдена редакцией очень скоро – ради гораздо более достойного и именитого автора: в конце января, т.е. буквально за два месяца до публикации статьи, когда ни мы, ни читатели предварительной Интернет-версии 1-го номера (появившейся на сайте <http://springerlink.metapress.com/content/102991/?Content+Status=Accepted> в конце ноября) не могли даже догадываться о страницах, на которых статья будет напечатана, на том же сайте появился ответ Г.Роте на нашу критику, содержащий аккуратные постраничные ссылки на все упоминаемые пассажи из еще не вышедшего номера. В ответ на наше недоумение редактор RL сообщил, что и рецензия, и ответ на нее будут «по справедливости» опубликованы в одном и том же 1-м номере. Оставляя без оценки молниеносную публикацию ответа, которая столь явно нарушает «внутрииздательскую организацию производственных процессов и планирование финансовых средств», мы, естественно, не отказываем редактору февральской минеи в праве на ответ. Нас чрезвычайно смущает, однако, категорический отказ У.Швайера вновь предоставить слово нам (кстати, члену редколлегии RL). Коль скоро теперь уже мы обвиняемся в ошибках, кажется правомерным разобрать эти обвинения, для того чтобы научная общественность могла сама прийти к выводам. Заметим, что в истории русской (по крайней мере, дореволюционной) науки дискуссии, продолжавшиеся на страницах одного и того же журнала, – не редкость, вспомним хотя бы рецензию А.И.Соболевского на книгу Б.М.Ляпунова 1899 г. (Журн. Мин-ва народного просвещения. 1900. № 1), ответ Ляпунова (1900. № 6), ответ Соболевского (там же), новые «Несколько слов» Ляпунова (1900. № 11) и примечания к ним Соболевского (там же) [см. Соболевский 2006: 637–639]. Впрочем, очевидно, что мерки дореволюционного русского издания уже не подходят к RL – когда-то солидному международному журналу, ныне превращающемуся, судя по всему, в орган круговой поруки некоторых немецких славистов.

Не проверяя большинства сформулированных в нашей статье замечаний, Г.Роте все же как минимум в 25 случаях с нами не согласен. Разберем эти случаи по порядку, благо в ответе они пронумерованы; при этом мы будем указывать номера томов издания MF и страниц, на которых представлены анализируемые пассажи, так как цифры, приводимые Г.Роте, зачастую неверны.

1. II 270: мы считаем **Чьстити** вм. **Чьсти ти** неверным словоразделом, как и **въпнюще имъ** вм. **-ценимъ** (I 156); Г.Роте усматривает здесь

«quasi einen Tippfehler» («почти опечатку»). Что ж, если ему приятнее перевести эти примеры из разряда сотен ошибок в разряд сотен опечаток его издания (о которых мы старались не писать), мы не возражаем.

2. I 13: Г.Роте полагает, что перевод 3-го л. мн. ч. аориста **видѣша** ‘(они) видели’ как ‘ich habe gesehen’ (‘я видел’) «соответствует смыслу текста» и поэтому «на самом деле не ошибка». При этом он ссылается на порчу данного места в греческом, считая его неполной цитатой из Лк 2.29: «видели (очи мои)». В действительности, однако, цитируемое евангельское место представлено в стихе Лк 2.30 («ибо видели очи мои спасение Твое»), и стих этот очень мало соотносится со славянским и греческим текстами стихиры. Греческий текст, якобы «испорченный», по уверениям Г.Роте, и «лишенный субъекта», опубликован нами по трем рукописям в нашем издании «Ильиной книги» [ИК: 538]: *Εἶδον, οἰκτίρμων, τὸν φωτισμὸν τῆς σῆς δόξης τὰ πέρατα* ‘Видели, милостиве, сияние Твоей славы концы [мира]’; не вполне соответствующий славянскому, но все же близкий к этому текст напечатан (с целым рядом ошибок) и в I 13; нетрудно убедиться, что и греческий вполне исправен, и славянский (**видѣша, щедре, просвѣщенник твоѣта славѣ коньци**) вполне точен, – неверным как было, так и остается его понимание г-ном Роте и, следовательно, немецкий перевод («Я видел просвещение концов мира»).

3. II 543: Г.Роте объявляет беспорядок в примечаниях, когда форма **вѣии** переведена ‘девического’, опечаткой; мы и сами так думаем: в оригинале статьи этот ляпсус (в ряду других) был определен как «полная путаница» (т.е. отнюдь не назван ошибкой). Однако при тщательном (но, к сожалению, не согласованном с автором) цензурировании статьи в редакции RL наше определение было заменено на «целый ряд неточностей», так что все претензии – к цензору, г-ну Швайеру. «Сюда же», т.е. в разряд опечаток, Г.Роте относит, правда, и перевод греч. *ἀνάνευσις*, букв. ‘движение вверх’, как ‘отрицание’ (Verneinung – II 315); мы решились предположить, что неверный перевод вызван аналогией с глаголом *ἀνανεύω* в значении ‘отвечать отрицательно’; в чем состоит *Tippfehler* – непонятно.

4. I 26: контекст, который в греческом выглядит как *Νῦν παρῆλθεν ἡ σκιά καὶ ἀντεισέχθη ἡ ἀλήθεια, τῆς χάριτος ἐλθοῦσης*, в славянском переведен следующим образом: **Нынѣ прѣидоу стѣни * и за то въниде истина * благодѣти пришѣдѣши** (астерисками обозначаем деление на колонны) – т.е. греческому «genitivus absolutus» *τῆς χάριτος ἐλθοῦσης* закономерно соответствует славянский «дательный самостоятельный» **благодѣти пришѣдѣти**. (Перевод «дательного самостоятельного» для слависта, кажется, излишен, однако Г.Роте требует «Übersetzung»; пожалуйста: «Ныне, когда пришла благодать, тени ушли и на их место пришла истина»; в греч. ед. ч. ‘тень’ – о чем в издании ни слова.) В немецком переводе **истина** и **благодѣти** соединены в одно атрибутивное словосочетание (где **благодѣти** – несогласованное определение к **истина**), и греческий текст передан так:

«...und dafür trat die Wahrheit der Gnade ein, die gekommen ist» – ‘наступила правда милости, которая пришла’. Г.Роте предлагает и далее считать этот перевод «правильным», полагая, что перед «genitivus absolutus» стояла бы запятая – которой якобы нет в Римской минее. Однако там стоит именно запятая (т. III, с. 461), а не загадочный знак |, введенный в цитату г-ном Роте (заметим, что в статье мы даже не помышляли упрекать издателей февральской минеи в такой мелочи, как пропуск запятой). Помимо смысловых трудностей, перевод «истина пришедшей благодати» наталкивается и на грамматические препятствия в греческом оригинале – словосочетание ἡ ἀλήθεια τῆς χάριτος ἐλθοῦσης в предполагаемом Г.Роте смысле нарушает следующее правило: «Определение... ставится между членом и определяемым существительным... может быть поставлено и после существительного, но в этом случае при определении член повторяется» [Соболевский 2000: 247], т.е. для подтверждения трактовки Г.Роте греческое словосочетание должно было бы выглядеть несколько иначе: ἡ ἀλήθεια τῆς χάριτος τῆς ἐλθοῦσης.

5. II 289: конструкция **СЪМЪРТЬ ЖЕ ЧЪСТЪНА ПРѢДЪ БОГЪМЪ БЪИСТЬ ВЪСАЧЪСКЪИИМЪ** переведена в издании как «...war... dein Tod in jeglichem ehrenhaft vor Gott», т.е. форме местоимения **ВЪСАЧЪСКЪИИМЪ** приписано значение ‘во всяком’; иными словами, смерть Кирилла Философа была честна перед Богом во всем (а могла бы быть в чем-то и не честна). Наша эмендация **ВЪСАЧЪСКЪИИМЪ** ‘(перед Богом) всех, всего’ (дат. п. мн. ч.), к которой мы в издании Ильиной книги [ИК: 593] привели и параллель из Клоцева сборника: **ДА ТА ПРИВЕДЕТЬ КЪ БОУ · ВЪСѢЧЪСКЪИМЪ** (ср. греч.: τῷ Θεῷ τῶν ὅλων [Dostál 1959: 225]), отвергнута Г.Роте на том основании, что «все 4 рукописи» дают твор. п. ед. ч. **-МЪ**, а не «ожидаемый рецензентом датив **-МЪ**». «Was soll man da tun?» («Что с этим поделать?») – вопрошает Г.Роте. – «Er sagt es nicht» («Он [т.е. рецензент] об этом не говорит»). Зачем же лишний раз говорить о том, что уже написано? Но все же: если бы редактор обратился не ко «всем четырем» рукописям, а ко всем 25 спискам службы Кириллу Философу, как это сделали мы в своем издании, или даже просто заглянул в наше издание, то обнаружил бы, что искомая флексия дат. п. мн. ч. **-ИИМЪ** (**-ИМЪ**, **-ИИМЪ**) присутствует в пяти ранних списках, включая три древнерусских, которые почему-то не учитываются в «историко-критическом издании восточнославянской минеи». Что поделывать со смешением флексий на **-МЪ** и **-ИМЪ**? Ничего; надо просто знать, что в эпоху после падения конечных редуцированных (к которой относятся все рукописи с конца XI в.) [м’] отвердевал, что и привело к совпадению *моим* (твор. ед.) – *моим* (дат. мн.), а на письме повлекло за собой массовое смешение форм (но, конечно, не их значений).

6. II 337: еще более «сложной» (noch schwieriger) представляется Г.Роте предложенная нами на основе чтения двух рукописей замена малоосмысленной формы страдательного причастия **НАВОДЪНЕНОУ** (в контексте: **НЕЧЪСТВОЮЩЕМЪ ГЛОУБИНОУ ИСОУШАКШИ НАВОДЪНЕНОУ СЛОВЕСЫ ТВОИМИ**),

лишенной обязательного для глагола **наводьнити** инструментального актанта («чем?») и переведенной на немецкий как «überflutete (Tiefe)», прилагательным **наводьноу** ‘мнимую’: во время философских диспутов Кирилл своими словами иссушил мнимую глубину нечестивцев. Г.Роте не может вообразить, как это «мнимая глубина иссыхает», – а «[e]r [рецензент] sagt es nicht». Думается, что иссушить мнимую глубину в принципе можно так же, как разоблачить мнимую ученость или ниспровергнуть мнимое величие (хотя порой это действительно трудно), а также – «восполнить мнимую потерю», опровергнуть «мнимую мудрость», «разоблачить мнимую или поверхностную партийность», разрушить «мнимую цельность и простоту», утвердить «мнимую истину своих понятий» (примеры из Национального корпуса русского языка).

В следующих далее случаях Г.Роте признаёт приемлемость наших переводов с «чисто грамматической» точки зрения – но не с теологической.

7. II 244: Ὁργανον τῆς φθορᾶς χρηματίσας ὁ τύραννος προσβάλλει σου δελεάσαι ἠδονῆ – **Съсудъ истьльѣнниа съи мочитель прилагають ти прельстити сластию**. Отвергая наш перевод ‘Будучи орудием тления, мучитель нападает на тебя, чтобы прельстить [тебя] наслаждениями’, Г.Роте настаивает на переводе издания, где «сосудом тления» объявляется св. Мартиниан: «Так как ты являешься сосудом тления, мучитель нападет на тебя» (Da du ein Gefäß der Verwesung bist, dringt der Peiniger auf dich ein). Судя по всему, издатели понимают φθορά и **истьльѣнниа** в смысле современного русского «тленность»: Г.Роте полагает, что мучитель «мучит» (quält) святого потому, что тот «schmerzempfindlich» (‘восприимчив к боли’). Однако в тропаре нет речи ни о каких пытках: τύραννος – это дьявол (см. Lampe: 1421: «of Devil»), который, согласно житию, пытался соблазнить Мартиниана «похотью плотскою» (<http://pravoslavie.uz/Jitiya/2/13.htm#5a>) – **сластию** (ἠδονῆ). Основные значения слов φθορά и **(ис)тьльѣнниа** – ‘гибель’, ‘уничтожение’, ‘пагуба’. Впрочем, все эти агиографические и семантические аргументы излишни, поскольку причастный оборот с имен. п. χρηματίσας очевидным образом согласуется с подлежащим – ὁ τύραννος.

8. II 339: форму имен. п. мн. ч. причастия наст. вр. **Преплавающен** нельзя переводить как перфект ед. ч., отнесенный к Кириллу: «hast du... durchschiffte» – ‘ты переплыл’, и consecutio temporum, о котором пишет Г.Роте, тут ни при чем. Подробный анализ текста и источника этого тропаля уже проведен нами два года назад [Крысько 2007: 33–37]; ограничимся здесь лишь указанием на то, что форма **Преплавающен** – точный перевод греч. Οἱ διαπλέοντες (форма, отнесенная к верующим), тогда как ошибочно соотносимый с нею предикат **въшьльъ кси** – результат искажения текста (в издании, разумеется, эти грамматические «тонкости» не проанализированы). Тем же consecutio temporum Г.Роте пытается объяснить передачу славянского причастия наст. вр. **хранящиса** формой прош. вр. «verwahrt blieb», не замечая, что следующая аналогичная форма **прострѣлажщи** переведена (правда, с ошибкой в залоге) уже без всякого consecutio

temporum в наст. времени («entgegengeschossen wird»). Впрочем, какое отношение эти грамматические огрехи в издании имеют к богословию – непонятно.

Следующая категория возражений Г.Роте касается случаев, где наша критика, по его мнению, неконструктивна, так как мы не предлагаем своего объяснения.

9. I 58: оборот **отъ въшышняго преодѣвъся силою** интерпретирован нами как конструкция с обычным для славянского выражением агенса при пассиве – **отъ** + род. п. Г.Роте требует от нас перевода; если формулировки «агенса при пассиве» недостаточно – вот два перевода, буквальный и литературный: «будучи облеченным силою от Вышнего», т.е. «потому что Всевышний облек тебя силою». Немецкий перевод гласит: «облекшись в силу Вышнего» (gekleidet in die Macht des Höchsten). Г.Роте не понимает, почему мы называем des Höchsten атрибутом, – но ведь это именно и есть несогласованное определение. В оригинале конструкция несколько иная: τὴν ἐκ τοῦ Ὑψίστου ἐνδυσάμενος δύναμιν букв. ‘облекшись в силу от Всевышнего’ – однако «сила, исходящая от Всевышнего» далеко не равнозначна «силе Всевышнего».

10. Г-на Роте не устраивает вывод о «недостаточной работе, проведенной... над текстологией греческих песнопений», который мы делаем на основе двух очевидно мнимых параллелей – **касающихсяъса** vs. θεραπεύων зд. ‘поклоняющихся’ (I 70) и **сънितिю** (вар. **сънатию**) vs. τῆ βασιλεία ‘царству’ (I 91); он требует от нас более подходящих греческих соответствий, подчеркивая, что «в других греческих рукописях» этого текста нет (заметим, что число греческих рукописей, привлекаемых к изданию, на общем фоне византийского гимнографического наследия ничтожно). Вряд ли придумывание греческих параллелей – задача рецензента; разумеется, если бы мы имели возможность за четыре часа съездить на поезде из Бонна хотя бы в Лувен-ла-Нев, где хранятся микрофильмы синайских манускриптов, мы постарались бы отыскать эти греческие параллели – но из Москвы, без визы и без финансовой поддержки Академии наук Северного Рейна-Вестфалии это, к сожалению, затруднительно.

11. I 59: издателю миней осталось непонятным наше замечание относительно того, что слав. **бръвь** переведено на немецкий как «Hochmut» (‘гордыня’); он считает, что, по нашему мнению, это существительное переведено правильно. Однако он считает так неправильно: верным – как мы указали – является перевод слова ὄφρυς (вин. п.), одновременно обозначающего в греческом ‘бровь’ и ‘гордыню’. Между тем в боннской минейной серии перевод дается не к греческому, а к славянскому – но славянское слово **бръвь** вовсе не значит ‘гордыня’, и объяснить ошибочный перевод должны были сами издатели. Можно согласиться с Г.Роте в том, что в двух случаях наши предложения и трактовки не дают существенного различия по сравнению с переводом в издании: так, словам **нъинѣ старци** (т.е. **старьчи**) соответствуют и ἡραλέαι νῦν (I 3), и νῦν ἡράλαιοι – однако

«наша» параллель (приведенная уже в [ИК: 548]) все же точнее с точки зрения порядка слов; **пособъствоуѣа по вѣрѣ**, конечно, можно грубо перевести как «*helfend nach dem Glauben*» (II 338), однако перевод ‘отстаивая’, безусловно, лучше.

Далее Г.Роте уличает нас уже «просто в ошибках».

12. Говоря о недостаточном редактировании двух томов, мы в качестве примера привели ирмос, который обычно выписывается сокращенно, а в издании февральской минеи встречается в трех разных реконструкциях: **камень нероу<костѣчънъи>**, **камень нероу<костѣчънъи>**, **камень нероу<костѣчънъи>**, и предложили – на основе полного написания, реально засвидетельствованного в древнейшем списке (Путятиной минеи XI в.), – реконструкцию **нержкостѣчънъ** (совпадающую, как признаёт и Г.Роте, с греческим). Редактор МФ упоминает из трех вариантов два (и то неточно) и настаивает на форме род. п. (**нероу<костѣчънъи>**), которая встречается в ирмологиях (более поздних, чем Путятина минея) и возникла в результате неверного соотнесения с последующей формой **горы** (которая отсутствует в изданных списках февральской минеи). Не спорим, что такая форма встречается, – но как этот факт влияет на небрежность редактирования и какую ошибку мы допустили?

13. I 15: мы выразили сомнения относительно перевода $\zeta\epsilon\nu\kappa\omicron\delta\varsigma$ ($\acute{\alpha}\gamma\omega\nu\alpha\varsigma$), переданного по-славянски как **родънъи (подвигъ)**, посредством нем. *eigene*, которое мы восприняли как ‘собственный’, и предложили – с модальностью неуверенности – перевод ‘главный’. Г.Роте предлагает понимать *eigen* как ‘свойственный’; получающийся при этом смысл – ‘ты, совершив *свойственные тебе подвиги* [в греч. мн. ч.], ныне стал на небесах причастником бесконечного блаженства’ – едва ли кого-то удовлетворит (такого перевода к $\zeta\epsilon\nu\kappa\omicron\delta\varsigma$ в доступных нам греческо-немецких словарях мы не обнаружили).

14. II 300: мы возразили против никак не прокомментированного перевода формы **испѣлнилъ кси** как «*hast dich... erfüllt*» (‘ты исполнился’), отметив, что «в тексте нет никакого **сѣ**». Г.Роте считает, что **сѣ** – это только морфема возвратного глагола, и указывает, что в тексте «двумя строчками выше» есть местоимение **себе**, которое и позволяет дать в немецком *dich*. Приведем весь контекст: **Потокъ, богоносе, беззаконънъи** [вм. -ънхъ] **молитвою си, преблажене, себе оутвърдивъ избѣжалъ кси мѣтежа, пицънааго потока испѣлнилъ кси**; очевидно, что в славянском действительно ошибочно не передана рефлексивность, – а **себе**, входящее в состав причастного оборота, не может быть отнесено ко второму предикату.

15. II 133: Г.Роте непоколебим в истолковании оборота **патрнархомъ себе оуподобель... пожитъ како ангѣлъ** как конструкции с супином («*hast du nachgeefert... um... zu leben*» – ‘чтобы жить’), видимо, не зная о лексических ограничениях на употребление супина – лишь при узком круге глаго-

лов, главным образом движения. Интерпретация **пожитъ** как аориста – единственно возможная.

16. I 145: Г.Роте настаивает на трактовке формы **Сионоу** в контексте **Сионоу ты камень положиша непокоривъимъ претъканик** (Σιών τὸ λίθος ἐναυατέτης τοῖς ἀλειθοῦσι προσκόμματος; у Э.Фоллиери, заметим, без запятой после Σιών) как вокатива, совершенно не смущаясь столь вопиющим проникновением *и-основы в зват. форму *о-склонения в церковнославянском тексте XII века. Не смущает его и предложенный в немецком переводе смысл тропаря, написанного на Сретение Господне: «Сион, ты был положен как камень преткновения для непокорных, как непоколебимый камень соблазна и спасение верным». Почему Сион выполняет эти функции – нам так же непонятно, как г-ну Роте непонятна наша интерпретация **Сионоу** в качестве дательного принадлежности (соответствующего греческому семантическому генитиву Σιών) при субстантивированном **непокоривъимъ** – интерпретация, явствующая из приведенного нами перевода: ‘Ты был положен камнем преткновения и скалою соблазна для неверующих Сиона’ (обращение к Христу). Между тем наша трактовка, кажется, становится совершенно бесспорной при обращении к библейским источникам, которые мы указали в своей статье, но о которых ничего не говорится ни в издании, ни в ответе Г.Роте, ср.: «И будет Он освящением и камнем преткновения, и скалою соблазна для обоих домов Израиля» (Ис 8.14); «полагаю в Сионе камень преткновения и камень соблазна; но всякий, верующий в Него, не постыдится» (Рим 9.33). Таким образом, σὺ – вовсе не Сион, а Тот, Кому суждено было стать камнем преткновения для Сиона; и ничего странного в греческой инверсии (несогласованное несклоняемое определение к τοῖς ἀλειθοῦσι вынесено в начало тропаря) нет.

17. I 219: здесь речь идет о терминологическом *qui pro quo*. Оборот ἐμφορώθης... τὸ ἄλλότριον, правильно переведенный по-славянски как **въобразиса... въ тоужгек** (и далее – причастный оборот: **прѣбываа кже въ** ‘оставаясь [тем], чем был’), в немецком переводе, при другом (неверном) членении на синтагмы (**въ тоужгек прѣбываа**), преобразился в «*der du im Fremden bliebst*» («оставшись в чужом» – s. l. облике) – и вот это-то сочетание *v* + предл. п. (*v* *чужом*) мы, в полном соответствии со школьной грамматикой, определили как «обстоятельство места». Г.Роте, однако, возражает против обозначения «чужого» как *Ortsbestimmung* и продолжает думать, что возможно сочетание глагола, обозначающего не движение, а местопребывание (он дает этот глагол, приспособиваясь к немецкому переводу *bliebst*, в форме причастия прош. вр. **прѣбывавъ**), с конструкцией **въ** + вин. п., – т.е. толкует синтаксически невозможный оборот **въ тоужгек прѣбываа** как «*in fremder Gestalt*».

18. I 91: редактор готов извинить нам ошибку, возникшую в результате опечатки в немецком. Увидев сочетание «*du Leben aller bist*» в соответ-

ствии со славянским обращением **жизни всацьскътихъ**, мы сочли это ошибочным переводом; в действительности читатель, не владеющий немецким как родным, должен был сам расставить запятые – и смысл сразу бы прояснился: «du, Leben aller, bist geworden». Совершенно верно.

19. Столь же справедливо следующее замечание, касающееся понимания немецкого языка: соотнеся форму жен. рода ihre ‘ее’ (II 249) с греческим и славянским муж. родом αἰτοῖ / **кго** (врага-змия, т.е. дьявола), мы не обратили внимания на то, что немецкий «змий» – жен. рода (die Schlange).

20. II 250: Г.Роте обоснованно отвергает наше соотнесение слав. **плода** с нем. Frucht werden букв. ‘становиться плодом’; на самом деле одному славянскому слову соответствуют три немецких – Frucht werden lassen. Остается, однако, неясным, как эта конструкция соотносится со смыслом греческого τὸ τῆς ἀγνεΐας καλὸν σου ἱεραΐς μελέταις καρποῦμενος и его точного славянского перевода **чистою ти добротоу плода свашченъинми поучении** – т.е. ‘приумножая’; по крайней мере, обнаруженный нами в Интернете контекст «O Jungfrau Maria, du hast Frucht werden lassen, was wir jetzt essen» (<http://www.heimdermutter.org/rev/ant/15/EuchOurLady.html>) – ‘ты породила плод’ – ничего общего с «приумножением» не имеет.

21. II 332: это возражение вновь свидетельствует о нашем слабом знании немецкого – мы не распознали в слове Rat значения ‘промысл’, встречающегося «в религиозном поэтическом языке». В качестве слабого оправдания укажем только, что такого значения нет ни в «Большом немецко-русском словаре», ни в словаре И.Я.Павловского; более того: никто из носителей немецкого языка, ознакомившихся с ранней версией нашей статьи и высказавших (на условиях анонимности) ряд конструктивных замечаний, этой ошибки у нас не заметил. По-видимому, издание февральской минеи рассчитано на очень утонченных славистов – знатоков немецкого языка.

22. II 329: «еще более серьезной» ошибкой Г.Роте считает нашу трактовку одного из тропарей в честь Кирилла Философа. Подробное обоснование этой трактовки содержится в наших статьях [Крысько 2007: 25–26; 2008: 13–14], поэтому здесь мы позволим себе сосредоточиться на интерпретации и аргументах Г.Роте. Издатели минеи делят тропарь на два предложения, эксплицитно выражая это пунктуацией – точкой с запятой, что вообще-то не принято в боннских изданиях (воспроизводим пунктуацию издания, вводя астериски для отделения колонов): **Словъмъ и сръдцьмъ и язъкъмъ * христа, сына вожиа, проповѣда; * прѣмощьдрость же и сила * слово въплъщъшексѧ, блажене, * струѡтами притчьчънами * оудави триязъчъникы**. Первое предложение, согласно немецкому переводу, обращено к Кириллу: «Словом и сердцем и языком ты проповедал Христа, сына Божьего»; во втором, хотя и обращенном к блаженному (Кириллу), речь идет, очевидно, о Христе: «а (aber) Премудрость и Сила, Слово воплощенное, блаженный, струями притч победило триязычников». Поскольку Слово, ставшее плотью, – это Сын Божий, получается, что Хри-

стос победил триязычников струями притч; о таком вмешательстве Иисуса в диспуты Кирилла, однако, житие умалчивает. С синтаксической точки зрения трактовка издания опирается на два аргумента – форму имен. п. **сила**, которая на фоне соседних двусмысленных имен.=вин. **прѣмудрость** и **слово** однозначно интерпретируется как номинатив подлежащего, и («прежде всего» – vor allem) союз **же**, который в переводе издания передан посредством «aber», а в ответе г-на Роте рассматривается как показатель начала новой части предложения («dadurch beginnt ein neuer Satzteil»). Итак, **же**, по мнению боннских славистов, – такой же противительный союз, как и *же* в современном русском языке (*Старики сидят дома, дети же ушли гулять* [Ушаков: I, 850]). Однако так было не всегда: издатели не учли существования в старославянском языке сложного соединительного союза **же и**, соответствующего греч. καί, τε καί [SJS: I, 593–594], ср.: **сѣвѣраша вса ѡже обрѣтѣ · зѣлѣна же и добры** (Мф 22.10); **нич'соже паче господа · вѣдѣти же и имѣти исповѣдаше** (Супр); **проповѣдѣтель живѣнимъ же и мѣртваимъ въс<тъ>** (Житие Мефодия) (см. также многочисленные аналогичные примеры в [СДРЯ: III, 236]). Следовательно, *Премудрость*, *Сила* и *Слово воплощенное* – это такие же приложения к имени Христа, как и **сына божия**, или, иными словами, вторые предикативные винительные, а весь тропарь представляет собой не сложносочиненное, а простое предложение с однородными предикатами: ‘Словом и сердцем и языком ты проповедал Христа – Божью премудрость и Силу и Слово воплощенное, блаженный, струями притч удавил триязычников’. Эта трактовка, подтверждаемая чтением четырех южнославянских списков, где сохраняется исконный вин. п. **силѣ**, не замененный (под влиянием соседних амбивалентных форм) имен. падежом, конечно, не является нашим открытием: в издании Ильиной книги [ИК: 561] мы сослались на мнения богословов XIX в., ср.: «...*Премудрость, Силу и Слово воплотившееся*» [Горский 1865: 278], «...в списке г. Григоровича вернее написано: *силу*, нежели как в синодальном *сила*» [Казанский 1865: 301], вин. п. **силѣ** принят и в новоцерковнославянской версии канона Кириллу [Слѣжбы 1885: ꙗ] – но все эти авторитеты, разумеется, не указ для Г.Роте, поистине объявшего все отрасли просвещения. Что же касается нашего «заблуждения» (Irrtum) относительно греческого источника разбираемого тропаря, то, думается, теперь, после обнаружения в кирилловском каноне целого ряда случаев близкого парафразирования византийских канонов Павлу Исповеднику и Григорию Нисскому [Крысько 2005; 2007], упорствовать в отрицании связи между этими произведениями столь же плодотворно, как и, например, отвергать соотнесенность стихотворения Пушкина «Отцы пустынноики и жены непорочны» с молитвой Ефрема Сирина только на том основании, что преподобный не писал шестистопным ямбом.

23. В следующем возражении Г.Роте переходит к музыкальной структуре славянских песнопений, наличие которой никто не оспаривает. Прав-

да, объект возражения неясен: редактор ссылается на I 81, где якобы имеется начало рефрена **ДѢТИ БЛГ**, однако нечто похожее обнаруживается лишь в I 627 (**ДѢТИ**); неясна и суть возражения: наши соображения по интерпретации и воспроизведению данного тропаря не упоминаются и не отвергаются, и, кажется, единственное, против чего выступает Г.Роте, – это наше предложение использовать для указания на границы между колонами не абзацы (что приводит к существенному возрастанию объема публикации), а точки, как в рукописях, или астериски, как, например, в издании Римских миней.

24. Г.Роте подчеркивает, что «рецензент не склонен учитывать» богословский смысл. В качестве ударного примера приведен тропарь (II 271), в котором речь идет о том, что св. Мартиниан, посвятив (букв. принеся) свое тело, помыслы и сердце Господу, **жѣртѡ тависѡ огньмѣ пощениѡ тавѣ испечена и благоухании съблюдакма**. Для последнего словосочетания (греч. εὐωδία συντηρούμενον) в издании дан перевод «als Wohlgeruch bewahrt blieb» («сохранялась как благовоние»). Использование твор. п. **благоухании** в значении «как благовоние» вызвало у нас сомнение, и мы, исходя из синтаксического параллелизма конструкций *τηρὶ... ὀπτόμενον* «огнем сожигаемая» и *εὐωδία συντηρούμενον*, предложили иной перевод, с твор. падежом инструмента, – «сохраняемая благовониями». У Г.Роте эта трактовка вызвала энергичные вопросы: «каким благоуханием? откуда?». По мнению редактора, св. Мартиниан «умер смертью мученика на огне» – а следовательно, не мог «сохраняться благовониями». Это выдающееся агиографическое открытие, безусловно, должно быть немедленно доведено до сведения Св. Престола и православных Церквей – дело в том, что до сих пор обстоятельства кончины св. Мартиниана описывались совершенно иначе; если бы Г.Роте заглянул в отредактированный им II том февральской минеи (с. 215), то прочел бы только следующую информацию: святой «умер в начале пятого столетия в Афинах» (где, кажется, в этот период отнюдь не жгли святых). В «Житиях всех святых» И.Бухарева сведения несколько более подробны: «Скончался в Афинах. Мощи его покоятся в Антиохии» [Бухарев 1900: 104]. Наконец, на сайте «Жития святых» (<http://pravoslavie.uz/Jitiya/2/13.htm#4a>) читаем следующее (по свт. Димитрию Ростовскому): «Странствуя так, он в два года посетил сто шестьдесят четыре города и наконец пришел в Афины. Епископу того города Бог благоволил открыть всё о блаженном Мартиниане. Здесь, чувствуя приближение своей кончины, святой, уже будучи болен, вошел в церковь, возлег на землю и сказал окружающим: – Призовите сюда скорее епископа!». Под конец трогательной беседы святой, «перекрестившись, сказал епископу: – Предай погребению меня, отче, Господа ради! При этом лице блаженного озарилось улыбкой, – и так он предал Господу свою душу». Откуда же взялась «Martyrertod im Feuer»? Вероятно, Г.Роте, увидев слова **жѣртѡ тависѡ огньмѣ... испечена**, не заметил, что речь идет об огне **пощениѡ**, и прежде всего об огне, которым Мартиниан усмирил похоть, обу-

явшую его при виде блудницы. Как сохранялись мощи святого в Антиохии – благодаря ли тому, что их умащали благовониями, или потому, что сами источали миро, мы не знаем. Но то, что «пепел» мнимосожженного не «сохранялся как благовоние», – можно сказать точно. Впрочем, мы отнюдь не уверены, что в анализируемом тропаре речь идет о мощах святого. Внимательное чтение метафорического текста приводит к выводу, что Мартиниан еще при жизни приуготовил себя как жертву Богу – жертву, которая, как водится, была умащена благовониями (Лев 2.2).

25. Под конец Г.Роте приберег, как говорят немцы, «парадный пример» нашей недобросовестности (II 262). В греческом тропаре говорится о том, что св. Мартиниан (всё он, всё он...) «не ослабевал разумом из-за стужи» (Ὁὐ ψύχει χαυνοῦμενος τὸν νοῦν букв. ‘Не ослабляясь холодом в отношении разума’ – с винительным отношения). Славянский переводчик, знавший греческую лексику явно лучше некоторых боннских славистов, правильно перевел ψύχει как **зимю** – соответственно правилен и перевод на немецкий язык, всегда осуществляемый в боннских изданиях со славянского: «Durch die Kälte nicht am Verstand geschwächt». Однако в примечании указано, что в греческом – не ‘Kälte’, а ‘Seele’ (‘душа’), т.е. ψύχει (дат. от ψύχος ‘стужа’) смешано с ψυχή ‘душа’ – и, следовательно, приведенный нами якобы неверный перевод «Через душу не ослабевая разумом» не только не «нечестен» (unfair), но, напротив, совершенно точно передает именно тот загадочный смысл, который был приписан греческой фразе издательницей текста.

Итак, разбор 25 возражений Г.Роте, противопоставленных сотням наших замечаний, заставляет признать, что в трех или четырех случаях критика совершенно обоснованна: маститый немецкий славист, весьма нетвердый в русском, церковнославянском и греческом языках, а также в агиографии и богословии, знает свой родной немецкий язык существенно лучше русского слависта. Остальные случаи полностью подтверждают выводы, сформулированные в конце нашей статьи: «без глубоких познаний в церковнославянском языке и без совершенного знания русского языка, в значительной степени сохранившего церковнославянское словоупотребление, удовлетворительное понимание древнеславянской гимнографии невозможно», а продолжение нужного и важного издания миней на достойном уровне достижимо только «при условии компетентного¹ и внимательного редактирования».

Правда, Г.Роте неоднократно подчеркивает, что его замечания носят избирательный характер и могли бы быть умножены. Мы весьма признательны выдающемуся организатору науки за то, что он все же сэкономил наше время и нам не пришлось истратить еще один день на разбор новых примеров, свидетельствующих о его некомпетентности в качестве редактора. Однако г-н Роте не ограничился возражениями по содержанию на-

¹ При цензурировании нашей статьи в редакции RL это слово было заменено малоосмысленным «последовательного».

ших замечаний: он усмотрел в них и тенденциозность. Это верно: нашу статью, как и многие другие наши критические отзывы – например, на «Древнерусскую грамматику XII–XIII вв.», на первые тома «Словаря древнерусского языка», на «Словарь обиходного русского языка Московской Руси», на энциклопедию «Русский язык», на американское издание Путятиной minei, на книги М.В.Ивановой и Х.М.Экхофф, – действительно пронизывает одна постоянная тенденция, и сформулировать ее можно в трех словах: «Долой невежество и халтуру!». Г.Роте напрасно ищет в нашей критике издания февральской minei нечто исключительное, лично окрашенное – на самом деле его издание представляет собой лишь один из бастионов того Карфагена, который, по нашему глубокому убеждению, должен быть наконец разрушен. Не скроем: внешняя фундаментальность боннской серии долго вводила нас в заблуждение; еще в 1997 г. мы упомянули о ней (а точнее о ее первом, факсимильном томе) среди трудов «европейских славистов, время от времени радующих нас книгами... высокий уровень которых... остается desideratum для многих российских изданий» [Крысько, Maier 1997: 301]. Еще в 2001 г. мы позволили себе светское благодарственное письмо в ответ на присылку дорогогостоящего «Словаря к декабрьской minee». Но именно тогда и наступило отрезвление: в связи с подготовкой издания Ильиной книги, все более углубляясь в гимнаграфическую проблематику, мы, естественно, постоянно обращались к этому словарю – с каждым новым обращением обнаруживая всё новые ошибки, список которых сейчас насчитывает сотни примеров. Тогда же нам пришлось откликнуться и на присланные нам рецензионные экземпляры Minei Дубровского и двух томов декабрьской minei [см. Крысько 2002]. Осторожно сформулированные нами – однако многочисленные – критические замечания, заблаговременно посланные редактору изданий, встретили с его стороны (письменные) возражения, вполне подобные тем, которые мы только что разобрали; наиболее веским среди них был следующий аргумент: публикация рецензии может нанести ущерб финансированию проекта! В 2004 г. мы предложили боннским гимнаграфистам сотрудничество, которое равным счетом ничего бы им не стоило, но – как мы надеялись – позволило бы нам участвовать в обсуждении их продукции до публикации. Это предложение было отвергнуто (также письменно) на следующем основании: «восточноевропейская сторона не заинтересована серьезно в сотрудничестве с немецкими учеными, но только использует их имена, чтобы доить (melken) немецкие фонды»...

Предоставляя восточноевропейским исследователям самим оценить эти слова, вполне вписывающиеся в те традиции «научного самодовольства» и «высокомерия», о которых недавно писал А.А.Зализняк [Зализняк 2008: 329, 338] именно применительно к некоторым немецкоязычным ученым, мы можем лишь сказать: а жаль! Благодаря сотрудничеству с квалифицированными специалистами других стран боннские гимнаграфические издания несомненно могли бы стать гордостью не только немецкой, но и мировой славистики. Теперь же они являются тем, чем являются, – фолиантами ошибок, опечаток и «квазиопечаток», herausgegeben von Hans Rothe.

ЛИТЕРАТУРА

- Бухарев 1900 – Жития всех святых / Сост. И.Бухарев. М., 1900. (Репринт – СПб., 1996).
- Горский 1865 – *Горский А.В.* О древних канонах святым Кириллу и Мефодию // Кирилло-Мефодиевский сборник. М., 1865. С. 271–284.
- Зализняк 2008 – *Зализняк А.А.* «Слово о полку Игореве»: Взгляд лингвиста. 3-е, доп. изд. М., 2008.
- ИК – Ильина книга. Рукопись РГАДА, Тип. 131: Лингвистическое издание, подготовка греческого текста, комментарии, словоуказатели В.Б.Крысько. М., 2005.
- Казанский 1865 – *Казанский П.С.* Сравнительное достоинство списков службы св. Кириллу, просветителю славян, принадлежащего г. Григоровичу и московской Синодальной библиотеке // Кирилло-Мефодиевский сборник. М., 1865. С. 297–308.
- Крысько 2002 – *Крысько В.Б.* [Рец.] Gottesdienstmenäum für den Monat Dezember auf der Grundlage der Handschrift Sin. 162 des Staatlichen Historischen Museums Moskau (GIM). Historisch-kritische Edition. Т. 3. Opladen; Wiesbaden, 1999; Gottesdienstmenäum für den Monat Dezember. Т. 5: Facsimile der Handschrift Sin. 162 des Staatlichen Historischen Museums Moskau (GIM). Wiesbaden, 2000; Das Dubrovskij-Menäum: Edition der Handschrift F. п. I 36 (RNB). Opladen; Wiesbaden, 1999 // Russian Linguistics. 2002. Vol. 26, No. 3. С. 377–393.
- Крысько 2005 – *Крысько В.Б.* О греческих источниках и реконструкции первоначального текста древнейшей службы Кириллу Философу // Palaeobulgarica = Старобългаристика. 2005. XXIX, 4. С. 30–63.
- Крысько 2007 – *Крысько В.Б.* Новые греческие источники канона Кириллу Философу // Palaeobulgarica = Старобългаристика. 2007. XXXI, 2. С. 21–48.
- Крысько 2008 – *Крысько В.Б.* Ранние славянские гимнографические тексты: источники и реконструкция (на материале канона Кириллу Философу) // Изв. РАН. Сер. лит. и яз. 2008. № 3. С. 3–23.
- Крысько, Maier 1997 – *Крысько В.Б., Maier I.* [Рец.] Вести-Куранты: 1651–1652 гг., 1654–1656 гг., 1658–1660 гг. М., 1996 // Russian Linguistics. 1997. Vol. 21, No. 3. С. 301–310.
- СДРЯ – Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). Т. 1–8–. М., 1988–2008–.
- Слѣ́жвы 1885 – Слѣ́жвы прѣ́внымъ оцѣ́мъ на́шимъ, равноапѣ́твнымъ Меѳо́дію и Ки́риллѣ, Оу́чѣлаемъ Словѣ́нскимъ.** СПб., 1885.
- Соболевский 2000 – *Соболевский С.И.* Древнегреческий язык. СПб., 2000.
- Соболевский 2006 – *Соболевский А.И.* Труды по истории русского языка. Т. 2: Статьи и рецензии / Сост., подгот. текста, предисл., коммент. и указ. В.Б.Крысько. М., 2006.
- Ушаков – Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.Н.Ушакова. Т. 1–4. М., 1935–1940.

- Dostál 1959 – Clozianus: Staroslověnský hlaholský sborník tridentský a innsbrucký / K vyd. přípr. A.Dostál. Praha, 1959.
- Lampe – *Lampe G.W.H.* A Patristic Greek Lexicon. Oxford, 1961.
- MF I, II – *Rothe H.* (Hrsg.). Gottesdienstmenäem für den Monat Februar auf der Grundlage der Handschrift Sin. 164 des Staatlichen Historischen Museums Moskau (GIM). T. 1: 1. bis 9. Februar. T. 2: 10. bis 19. Februar. (Abhandlungen der Nordrhein-Westfälischen Akademie der Wissenschaften, 109, 113. *Patristica Slavica*, 10, 13). Paderborn, München, Wien, Zürich, 2003–2006.
- SJS – Slovník jazyka staroslověnského. I–IV. Praha, 1958–1997.